

ВЕДЕНЯПИНА Мария Александровна — генеральный директор Некоммерческого фонда «Поддержка книгоиздания, образования и новых информационных технологий «Пушкинская библиотека»

СТЕЛЬМАХ Валерия Дмитриевна — эксперт Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека»

ЧТЕНИЕ ПОДРОСТКА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

— Социологическая информация о детском чтении, которой мы сегодня располагаем, носит, как правило, узкопрофессиональный (преимущественно библиотечный) характер, поскольку собирается в основном детскими библиотеками и в самих библиотеках. При всем уважении к этой в буквальном смысле слова подвижнической работе, благодаря которой мы располагаем сегодня знанием тенденций детского чтения, нельзя не отметить, что «библиотечный срез» лимитирует возможности использования получаемых данных. Проект «Чтение школьников и культурные ресурсы семьи», осуществлённый Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр) и Некоммерческим фондом «Пушкинская библиотека» при финансовой поддержке Федерального агентства «Роспечать» (декабрь 2006), стал первым общероссийским репрезентативным исследованием, основанным на выборке городского детского населения¹.

Объектом исследования стали три группы респондентов, которые вошли в выборку: это дети младшего школьного возраста, находящиеся на начальной стадии приобщения к книжной культуре (1—4 классы); школьники среднего возраста (5—9 классы), которые выступают в данном случае целевой группой, поскольку именно в этом возрасте определяется отношение к чтению и его избирательность; родители, под воздействием которых происходит (или не происходит) конструирование образа читающего ребёнка. Старшие возрастные группы (юношество и молодёжь) в выборку не вошли².

Подростковый возраст признаётся самым ответственным в процессе социализации. Именно в этот период происходит выход ребёнка в жизненный мир и активное усвоение им социальных и культурных образцов, что в последующем — в потенциале — должно обеспечить для общества его культурное воспроизводство.

Однако роль подростка в культуре двойственна. С одной стороны, он традиционно выступает объектом воспитания, воздействия и как можно более строгого контроля, призванного принять эстафету от старшего поколения. Поэтому в отечественной педагогической и библиотековед-

¹ См.: Зоркая Н.А. Чтение школьников и культурные ресурсы семьи (Электронный ресурс). — Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2007031401.html>, свободный. Загл. с титул.экрана.

² Это принятое в библиотечных исследованиях чтения деление детей-респондентов по возрастному признаку сегодня становится все более условным, т.к. не отражает происходящие сдвиги в ценностных ориентациях и нормах, в поведенческих характеристиках детских и молодежных групп. Поэтому возрастные группы, традиционно составляющие основу выборки, сегодня все менее совпадают с культурной стратификацией детской аудитории.

ческой традиции ведущая роль отводится воспитательной, социализирующей роли чтения, а научный интерес сосредоточен на механизмах понимания и усвоения прочитанного. В этой парадигме взрослые и только взрослые должны определять, что, как и когда читать детям, какой должна быть полезная детская книга и какие книги вредны ребёнку.

С другой стороны — современный подросток опережает во многих отношениях мир взрослых, являясь носителем новых культурных моделей, языка, моды, коммуникативных средств и технологий. Можно сказать, что современная культура повседневности складывается во многих отношениях под влиянием подростковой культуры. Происходит в определённом смысле смена ролей: подростки «перевертывают» сложившийся образ жизни семей, привнося в него новые средства информации, развлечения, досуга и обучая взрослых пользованию Интернетом, компьютерными играми, всеми возможностями общения через мобильные телефоны, плеерами... Характерно, что родители даже опережают своих детей в использовании развлекательных форм детской электронной культуры.

	Дети 5—9 классов	Родители детей 5—9 классов
Слушают диски, детские аудиокниги	22	18
Смотрят видеокассеты с детскими 60 фильмами	76	
Играют в компьютерные игры	69	80
Пользуются Интернетом (не для игр)	41	28

Этот феномен подросткового воздействия на общество, ярко проявившийся ещё в начале XX века в разных социумах, становится сегодня всё более выраженным. Свидетельством этого являются, например:

а) язык «взрослой», в том числе образованной части общества, сознательно и во многом демонстративно использующей подростковый сленг как знак собственной динамичности и «продвинутости»;

б) широко распространяющийся подростковый стиль современной моды (джинсы, майки, мини-юбки);

в) экспансия массовой литературы, успешно эксплуатирующей для всех групп населения наиболее популярные подростковые жанры (приключения, детектив, исторический роман);

г) наконец — бум популярности во всех слоях общества подростковых произведений, ярким примером чего стали книги о Гарри Поттере. Герой серии — подросток-волшебник — превратился в знаковое явление для всего российского и не только российского читающего сообщества (как ранее и уже на все времена это произошло с романами А. Дюма).

С этой точки зрения, детское чтение представляется не как сегментарная субкультура, изолированная от «взрослой» части, но как одна из исходных точек для всей национальной культуры, определяющей во многом её общую композицию. Исследование показало, что подростковая стадия чтения отличается неустойчивостью и проявляющимися именно в этом возрасте изменениями. С точки зрения читательского развития, это также переходный этап — от младших (с их — в подавляющем большинстве — интересом к книге, особенно к читаемой им вслух литературе), к старшим, для которых чтение перестаёт быть признаваемой и принимаемой групповой ценностью. Эта «переходность» имеет сегодня достаточно выраженный регрессивный характер.

Во-первых, в этом возрасте снижается интенсивность чтения. Так, если среди младших школьников доля тех, кто не прочитал ни одной

книги за три предшествующих опросу месяца³, составила 3%, то среди учащих средних классов этот показатель возрос до 10% и продолжал увеличиваться в старших возрастных группах.

Во-вторых, изменяется, что весьма существенно, отношение к книге: всё более формируется отношение к чтению как к скучному и никому не нужному занятию⁴.

	Ученики 5-го класса	Ученики 9-го класса
«Мне нравится читать»	81	64
«Я читаю потому, что этого требуют учителя и родители»	27	42
«Ненавижу читать, скучное занятие»	4	19
«Чтение сейчас никому не нужно»	6	10

В-третьих, более чем в два раза увеличивается доля тех, кто не имеет дома своих книг. У тех подростков, которые ответили на этот вопрос положительно (76%), это в большинстве случаев очень небольшие собрания: у 32% опрошенных — до 30 книг, у 31% — до 100, более 100 книг имеют дома только 11% подростков.

Накопленный исследователями и педагогами материал о читательских предпочтениях подростков достаточно обширен, и узловые точки — любимые жанры, темы, типы литературы — обозначены в ряде публикаций. Это детективы, комиксы, фэнтези, книги о путешествиях и других странах, о ребятах— сверстниках, о войне, о любви, о природе и животных.... Отмечается также возрастающий интерес к периодике, в основном к гляцевым и гламурным молодёжным журналам⁵.

Чтобы не повторять уже известное, мы попробовали выяснить читательские приоритеты группы через конкретный набор авторов и книг, которые запомнились подросткам и произвели на него сильное впечатление, о которых они вспоминают и думают. В итоге получен список авторов и названий, включающий 396 позиций. Значительную часть этого перечня составляет, разумеется, программная литература. Ответы типа: «Пушкин», «Толстой», «Маяковский», «Отцы и дети», «Гроза» можно отнести к «образовательному спаму». Дети всё-таки видят в любом, даже самом опытном интервьюере, взрослого, а следовательно, настав-

³ Имеется в виду внепрограммное чтение. Принятой в проекте единицей замера были три месяца, предшествующих опросу. Такое ограничение повышает, с нашей точки зрения, достоверность полученной информации, хотя и лимитирует возможности ее сопоставления с данными других проектов, не использующих в большинстве случаев хронологические рамки «памяти» респондентов.

⁴ Исследование «Читающий подросток в фокусе разнообразных представлений», проведенное Челябинской академией культуры и искусств, дало еще более серьезную картину: «из 630 респондентов, представлявших разные образования области, 98% подтвердили, что чтение не занимает в их жизни сколько-нибудь серьезного места. Подростки при этом оперируют категориями множественного числа: «мы», «наш класс», «наши ребята», «наше поколение», что косвенно свидетельствует о типичности данной ситуации». — Аскарова В., Сафонова Н. Подросток и взрослые: трудный диалог по поводу книги (Электронный ресурс). — Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article/php?a_uid=285, свободный.

⁵ См.: Куликова Е.В. Продвижение детского чтения // Как создаются читающие нации: опыт, идеи, образцы. Сб. материалов // Фонд «Пушкинская библиотека», Центр книги Библио Конгресса США, Британский Совет. — М.:2006. — С.24-29; Дети и библиотеки в меняющейся медиасреде / авт.-сост. В.П. Чудинова, О.Л. Кабачек, Е.И. Голубева и др. — М., 2004. — 335 с.; Чтение детей и подростков в конце XX века: по материалам региональных исследований библиотек (Электронный ресурс). — Режим доступа: <http://www.rgdb.ru/research/sbornik.asp>, свободный. — Загл. с титул. экрана; Юный читатель и книжная культура России: материалы исследования (Электронный ресурс). — Режим доступа: http://www.rgdb.ru/research/y_reader.asp, свободный. Загл. с титул. экрана.

ника и контролёра и немедленно демонстрируют то, что требуется в данный момент педагогами и школьной программой.

Что касается другой, «индивидуализированной» части списка, то книгу-лидера угадать нетрудно. Это, конечно, серия о Гарри Поттере. Причём ни один другой автор или название не могут сравниться с этим читательским бестселлером по числу упоминаний — каждый четвертый ответ. Такая высокая концентрация интересов весьма необычна: подобные списки, получаемые в ходе социологических опросов, отличаются, как правило, большим разбросом, а книги-лидеры собирают не более 10—12% голосов. Феномен Гарри Поттера безусловно заслуживает самостоятельного культурологического анализа. Но пока отметим, что произведения Дж. Роулинг точно соответствуют тем достаточно жестким требованиям, которые наши респонденты предъявили к «своей» литературе. Она должна быть «приключенческой» — 53% опрошенных, «фантастической, волшебной» — 50%, «весёлой и смешной» — 46%.

В списке отмеченных ребятами книг обращают на себя внимание несколько существенных, с нашей точки зрения, моментов:

а) единичные упоминания современных отечественных авторов, причём это, как правило, давно вошедшие в большую литературу и широко издаваемые писатели (В. Железников, Н. Носов, Э. Успенский, детективы Д. Донцовой и Б. Акунина), зарубежная классика (Марк Твен или Л. Кэрролл) представлена достаточно выразительно;

б) почти полное отсутствие научно-познавательных книг (исключение — издаваемая АСТ серия «Я познаю мир») и несколько энциклопедий, формирующих мировоззрение;

в) давно вышедшие из оборота произведения советских лет, видимо, из библиотек родителей, стремящихся привить детям свои литературные вкусы («Четвёртая высота», «Повесть о настоящем человеке»).

Полученная в исследовании картина принятых подростками и, значит, «сработавших» книг отражает многие проблемы современной системы социализации. За ней стоит нечёткая адресация нашей издательской политики, приводящая к перекосам и диспропорциям в репертуаре: крайне малое место отводится научно-познавательной книге для детей среднего школьного возраста, книгам, формирующим ценностные ориентации этой группы. Так, книги для детей и юношества составляют в целом 6,6% по числу названий от общего числа выпущенных в 2006 г. книг, что недопустимо мало, но из них научно-познавательные издания для среднего и старшего школьного возраста занимают всего 4% (из общего числа выходящих в стране названий это 0,3%)⁶.

Взаимоотношения подростка с современным миром носят во многом опосредованный характер. Эту группу можно назвать социально неполноценной и зависимой. Подростки ещё не включены в трудовую деятельность и в создание общественного материального ресурса. Они не зарабатывают деньги и зависят в этом плане от родителей, не располагают необходимым опытом и знаниями для собственных сознательных выборов и решений, не участвуют в политической и общественной жизни страны и т.д. Эта группа «подключается» к современному миру через сложившуюся систему социальных и культурных институтов, которые призваны передавать им — в рамках нашей темы через книгу — принятие в обществе ценности. Именно от деятельности этих структур зависит накопление подростками того гражданского и культурного капитала, который определит в дальнейшем их роль в современном мире.

Механизмы, с помощью которых происходит формирование образа читающего ребёнка и внедрение в детское сознание нормативных мо-

⁶ Печать Российской Федерации в 2006 году. Статистический сборник / Российская книжная палата. — М., 2007. — С. 44—45.

делей, обозначены в настоящее время достаточно схематично из-за отсутствия социологических исследований этой проблемы в масштабах всей страны. Поэтому основная задача проекта заключалась в анализе роли различных социальных институтов, прежде всего семьи, в конструировании через книгу и чтение детской читательской культуры.

Данные показывают, что роль этих институтов и их композиция меняются с возрастом. Существенно понижается авторитет взрослых, особенно родителей, учителей и библиотекаря, и, соответственно, усиливается ориентация на «своих», на сверстников. Подросток уходит из институциональной сферы и, следовательно, из зоны трансляции общественных моделей и норм. Приведём в качестве свидетельства данные о предпочитаемых каналах рекомендации книг для чтения:

«К чьему мнению ты скорее прислушиваешься, если тебе советуют прочитать ту или иную книгу?»

	Всего	Ученики 5-го класса	Ученики 9-го класса
Друзей, сверстников	42	33	51
Братьев, сестер	10	9	6
Родителей	57	62	39
Учителей	28	24	27
Библиотекаря	14	18	10
Других взрослых	6	6	6
Обычно сам решаю	12	14	19

Существенная особенность методики и всей концепции исследования заключалась в параллельных опросах детей и родителей для выявления воздействия семьи на становление читателя-ребёнка. «Книжная» атмосфера семьи (наличие в доме книг, покупка литературы для детей, семейная практика чтения вслух и обсуждения прочитанного, знание родителями того, что читает их ребёнок) представлена в проекте через оценки и суждения как детей, так и родителей (своеобразная система социологических зеркал).

Исследование позволяет говорить о девальвации роли семьи в литературной социализации подростка, что является результатом ряда процессов, происходящих в массовом сознании взрослого населения:

а) усиливающаяся преимущественная ориентация на пассивно-развлекательные формы досуга, куда «не вписывается» труд по воспитанию ребёнка⁷;

б) недостаточное осознание родительской ответственности за культурное развитие ребёнка и перекладывание этой роли на государственные, институциональные структуры (школа, СМИ, библиотека);

в) общее снижение читательской культуры и читательской активности самих родителей (только 11% опрошенных родителей прочитали за

⁷ В перечне занятий, доставляющих сегодня людям особое удовольствие, позиция «Заниматься с детьми, помогать им делать уроки» занимает последнее — 13-е место (11% опрошенных), тогда как позиция «Играть, развлекаться с детьми» — 10-е место (23% опрошенных), хотя и то, и другое не идет в сравнение с просмотром телепередач (1-е место, 67% опрошенных). — Гудков Л. Российская повседневность // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2007. — № 2 (88). — С. 65.

последние три месяца свыше 7 книг, имеют дома свыше 500 книг — 12%, купили за последние полгода более 10 книг для детей — 12%, готовы тратить на покупку детских книг более 500 рублей в месяц — 14%). Из дома ушла книжная аура, в которой жил ребёнок в эпоху массового книгособирательства: большинство семей (38%) имеют дома до 100 книг, чаще всего случайных, причём объём домашних собраний уменьшается у более молодых родителей.

С этими процессами связано разрушение традиций семейного чтения, не только способствующего развитию у детей привычки к чтению, но и поддерживающего семейную общность и семейную читательскую культуру. Если 33% школьников первого класса сказали, что им никто не читает вслух, то к 4-му классу этот процент увеличивается уже до 67%.

Обрыв диалога с родителями и диссонанс со старшими нарастают по мере взросления ребёнка. Если на нехватку взаимопонимания с родителями указали лишь 19% школьников 5-х классов, то к 9-му классу их стало уже больше трети (36%). Растёт и показатель конфликтов в семье, в том числе из-за расхождения во вкусах. Семья теряет свою роль в формировании образцов и идеалов, отставая от детей в освоении новых форм культуры.

Также падает роль такого очень важного института поддержания читательской культуры, как библиотека. По мере взросления процент детей, записанных в библиотеку, уменьшается: среди младших школьников — это 66% (независимо от типа библиотеки), среди учащихся средних классов — это уже 59% (школьная библиотека), а городской библиотекой, что является свидетельством более развитых читательских интересов, пользуются 43% подростков.

Социальное расслоение общества сказывается на картине чтения детей и подростков, определяя существенное расхождение данных в зависимости от типа поселений и социального статуса родителей. Однако эти взаимосвязи не линейны.

Конечно, москвичи, обладающие большими материальными возможностями по сравнению с жителями других городов, и родители детей, обучающихся в лицеях и гимназиях, чаще готовы потратить на покупку детских книг суммы, превышающие 500 руб. в месяц, среди родителей «обычных» школьников таких 10%.

Ученики лицеев и гимназий практически не отличаются от учеников обычных школ по интенсивности чтения, но у них гораздо чаще имеются относительно большие книжные собрания.

В то же время жители малых городов выше оценивают значимость детского чтения (устойчивость традиционалистских представлений, замедленный темп культурной модернизации, ограниченные возможности проведения досуга). Здесь же самый высокий показатель пользования библиотекой (65% — среди опрошенных детей малых городов, 73% — среди детей в средних городах и 54% — в Москве).

Самые крупные домашние собрания своих книг имеют московские школьники — 22% опрошенных. У детей, проживающих в поселениях других типов, это 13—14%. Но в Москве наименьший процент детей в принципе имеющих собственную библиотечку — 70%, в средних городах таких 75%, в малых — 87%.

Итак, снижение основных — по нашей концепции — показателей включённости подростка в современный мир через книгу и чтение связано с рядом обстоятельств, характерных для подросткового возраста. Это изменение досуговых ориентаций (переход к аудиовизуальным и электронным формам культуры); падение авторитета и роли основных институтов воспитания читательской культуры — семьи и школы; переориентация на сверстников и улицу в начинающемся в этом возрасте поиске мировоззренческих начал.

С одной стороны, подростковая читательская культура становится по своей сути более закрытой (культура «своих»), с другой, социальная мутация институтов воспитания, в первую очередь семьи, обуславливает снижение их роли и возможностей в литературной социализации ребёнка и подключении его через чтение к современному миру. В итоге уход подростка в свою неорганизованную среду культивирует читательскую неразвитость и инфантилизм, делает его не способным к переходу на «взрослую» ступень, к освоению коллективного читательского опыта и поддержанию социальных и культурных традиций общества.

ВЕДУЩИЙ:

— Я полагаю, что пришло время развернуть нашу дискуссию. Есть ли вопросы к выступившим?

МОЛДАВСКАЯ Ксения, газета «Книжное обозрение»:

— Вопрос к Владимиру Самуиловичу. Я с огромным вниманием слушала ваш доклад. Вопросов у меня два. Первый: учитывали ли Вы, когда проверяли осведомленность детей, разный подход к преподаванию в средней школе с 5 по 8 класс и в старшей школе с 9 по 11 класс? Там разные подходы, и в старшей школе больше внимания фиксируется на имени автора. Второй: когда Вы сравнивали результаты сегодняшнего дня с результатами 70-х годов, учитывали ли Вы, как изменилась программа по литературе, я имею в виду удвоение количества произведений в школьной программе при сокращении часов.

СОБКИН В.С.:

— Спасибо большое за вопрос. Я знаю, что преподавание в старшей школе основано на историко-литературном подходе, но для данного исследования важен сам момент, очень простой: автор, и что он написал. Если человек проходил в школе это произведение, то эту элементарную вещь он должен все-таки знать. Он должен знать имя автора. Если он не выделяет авторскую позицию, то это то, что мы называем «наивный реализм ребенка», когда он видит текст не как художественное произведение. Авторский момент — первый, очень важный момент для выработки особой читательской позиции.

Что касается удвоения количества произведений и сокращения часов, меня это не интересует, я даю простой тезис: какие фрагменты принадлежат одному автору, какие другому. Если мы выстраиваем литературное образование ребенка, он должен это делать, он должен чувствовать эти моменты. Я могу, конечно, обсуждать, ухудшилась ли программа, в чем ее ухудшение, но мне важно как социологу зафиксировать этот факт как проблему: дети и чтение по сравнению с 70-ми годами. И мне важна острота этой проблемы, мне важно поставить проблему: ребенок не умеет читать художественную литературу. Дальше — дело методистов.

КИСЕЛЕВ А.Ф., член-корреспондент РАО:

— Всем большое спасибо за изумительные по содержанию доклады. Я хотел бы отметить три момента. Первое. Мне кажется, надо менять лозунги. Наш лозунг «Дети — наше будущее» — неверный в корне. «Мы — будущее наших детей» — вот такой должен быть лозунг. Иначе ответственность

за будущее России мы перекладываем на хрупкие плечи тех, кто еще только социализируется. Какую Россию мы сделаем сегодня, такой она будет завтра. И такой она будет завтра у наших детей и внуков.

Второе. Пушкин. Проблема вечна, как мир. В 1828 году поэт пишет письмо императору о народном просвещении: «С тех пор как в наши

«МЫ — БУДУЩЕЕ НАШИХ ДЕТЕЙ».

А.Ф. Киселев